

который впоследствии был жестоко казнен. С целью избежать подобной критики суфии охарактеризовали эти высказывания как символические выражения, отображающие состояние суфия. «Также метафору (образные выражения) в суфийском творчестве можно объяснить тем, что суфии не желали делиться определенными духовными тайнами с посторонними» [8, с. 244].

Подводя итоги к выше сказанному наиболее весомую роль в становлении ашыкской литературы наряду с тарикатами маулавийа и ясавийа является, суфийское братство бекташийа. Представители этого тариката часто использовали саз или другие подобные, струнные инструменты, воспевая любовь к сакральному. Ашыки как профессиональные субъекты в социальном обществе находились в самых тесных отношениях с суфийскими ячейками в различных ситуациях и обстоятельствах. В исламской культуре образование общества строилось на основе медресе, тогда как «ашыкская литература питала свои корни из суфийских обителей» [2, с. 35–36]. Начиная с XI века, исламская культура и как неотъемлемая ее часть суфизм до середины XIX века являлись главенствующей направляющей в искусстве и культуре тюркского народа.

Источники и литература:

1. Ыылмаз Х. К. Тасаввуф и тарикаты / Х. К. Ыылмаз. – М.: «Сад», 2007. – 291 с.
2. Artun Erman. Aşıklık Geleneği ve Aşık Edebiyatı / Artun Erman. – İstanbul: Kitabevi Yayınları, 2009. – 481 s.
3. Прозоров С.М. Ислам: Энциклопедический словарь / С. М. Прозоров. – Москва: Издательство «Наука», 1991. – 314 с.
4. Güzel Abdurrahman. Dini Tasavvufî Türk Edebiyatı El Kitabı / Güzel Abdurrahman. – Ankara: Akçağ Yayınları 2009. – 799 s.
5. Enver Behnan Şapolyo. Mezhepler ve Tarikatlar Tarihi / Enver Behnan Şapolyo. – İstanbul, 1964. – s. 448;
6. Çobanoğlu Ö. “Osmanlı Devleti’nde Türk Halk Kültürü’nün Değişim ve Dönüşüm Dinamikleri” Osmanlı, (Yeni Türkiye Dergisi Osmanlı Özel Sayısı) / Çobanoğlu Ö. – 1999. – С. 9, s.51–71.
7. Köprülü M. Fuad. Saz Şairleri / Köprülü M. Fuad. – Ankara: Akçağ Yayınları, 2004 – 735 s.
8. Artun E. Aşık Edebiyatı Araştırmaları / Artun E. – İstanbul: Kitabevi Yayınları, 2008. – 523 s.
9. Rıza Zelyut. Halk Şiirinde Gerçekçilik / Rıza Zelyut. – İstanbul: Yön Yayıncılık, 1992 – 295 s.
10. Джавелидзе Э. Д. У истоков турецкой литературы / Э. Д. Джавелидзе. – Тбилиси: Издательство «Мецниереба», 1979. – 293 с.
11. Короглы Х. Турецкая ашыкская поэзия / Х.Короглы – М.: Художественная литература, 1983. – 192 с.
12. Günay Umay. Türkiye’de Aşık Tarzı Şiir Geleneği ve Rüya Motifi / Günay Umay. – Ankara: Akçağ Yayınları, 2011. – 378 s.
13. Прушковська І. В. «Краса і любов» Шейха Галіба: (до пробл. індійс. стилю у турец. л-рі): монографія / Ірина Прушковська. – К.: Четверта хвиля, 2008. – 256 с.

Баранская Е.М.

УДК 82.09.161.1/161.2

КАВКАЗ В МОДЕЛИ ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВА Я.П.ПОЛОНСКОГО

***Аннотация.** Статья посвящена изучению кавказского периода (июнь 1846 г. – май 1851 г.) жизни и творчества Я.П.Полонского с точки зрения преемственности поэтических традиций 20-х – 40-х годов XIX в. и постулирования художником жизнетворческой концепции поэта романтического толка / «чистого искусства». В стихотворениях кавказского цикла оцутимо синтезированное влияние романтических кумиров молодого Я.П.Полонского – Пушкина и Лермонтова. Романтические традиции начала XIX в. накладываются на индивидуально-психологические и биографические факторы поэта.*

***Ключевые слова:** биография, жизнетворчество, Закавказье, литературная личность, литературно-исторический образ.*

***Анотація.** Стаття присвячена вивченню кавказького періоду (червень 1846 р. – травень 1851 р.) життя та творчості Я.П.Полонського з точки зору спадковості поетичних традицій 20-х – 40-х років XIX ст. і настанови та затвердження митцем життєтворчої концепції поета романтичного толку / «чистого мистецтва». В віршах кавказького циклу відчутно синтезований вплив романтичних кумирів молодого Я.П.Полонського – Пушкіна та Лермонтова. Романтичні традиції початку XIX ст. накладаються на індивідуально-психологічні та біографічні чинники.*

***Ключові слова:** біографія, життєтворчість, Закавказзя, літературна особистість, літературно-історичний образ.*

***Summary.** The paper studies the Caucasus period (June 1846 – May 1851) of Ya.P. Polonsky’s life and works in terms of continuity of poetic traditions of 1820s – 1840s and postulating the poet’s life creation concept of romantic type / «pure art». The specificity of artistic existence of a lyrical hero of the given period of creative activity is due to the superposition of the romantic tradition of the early XIX century on poet’s individual, psychological and biographical factors. The synthesized influence of young Ya.P. Polonsky’s romantic idols Pushkin and Lermontov is tangible in the poems of the Caucasus cycle. First of all, it affects Polonsky’s love lyrics: romantic mystification in love lyrics essentially transforms the real facts, which is completely within the framework of the romantic laws (the issue of the addressee of the poem «To Princess S.A.G-na», «Do not wait»). Most of the poems written in Transcaucasia are related to national romantic traditions of Armenian and Georgian people – the works are filled with ethnographic elements, Georgian, Tatar vocabulary is widely used (in poet’s notes to the collection «Sazandar» the words written in Georgian are repeatedly found). Close*

communication with the leaders of Georgian, Azerbaijani, Armenian, Tatar cultures (with scientists Bakikhanov [Abbas Kuli Khan] and Mirza Fatali Akhundov) initiated Ya.P. Polonsky's historical-romantic poems – they appear in a period of deep interest of Tbilisi society in the issues of its history, above all, the legendary «age of Queen Tamara».

Keywords: *biography, life creation, Transcaucasia, literary personality, literary-historical image.*

Постановка проблемы. Художественная личность Я.П.Полонского в литературе 1840 – 1850-х гг. акцентирована в духе поэзии «чистого искусства». В литературной критике современников поэта, а также в позднейших литературно-критических и исследовательских работах дискутируется вопрос о формировании лирического героя первого периода творчества в рамках романтической традиции 1820 – 1840-х гг., в отдельных конкретных случаях – пушкинско-лермонтовских традиций.

Особенностью восприятия романтической поэзии современниками является полное доверие к поэтическим образам: читатель верит в наличие интимных связей «между героем и автором, героиней и миром авторских чувств» (Ю.М.Лотман) [9, с. 260], тем самым обязывая автора к определенному типу личного поведения, избобличающего в нем романтического поэта. Прибегая к мифотворчеству, Полонский-романтик использует художественный текст как «текст поэтического поведения» [9, с. 264].

Проблема выражения авторской личности в тексте вызывает не только пристальный интерес читательской аудитории, но и составляет одну из центральных проблем современного литературоведения: представляет логический ряд «художественный образ» – «лирический герой» – «литературная личность» – «литературно-исторический образ». В этом плане **научно-теоретическую базу** работы составили труды М.М. Бахтина, А.И. Белецкого, В.В. Виноградова, Л.Я. Гинзбург, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, Л.А. Ореховой, Б.В. Томашевского, Ю.Н. Тынянова, Б.М. Эйхенбаума и др.

Анализ литературы: Мы опирались на поэзию и философско-эстетическое наследие поэта, привлекли мемуарику (М.Я. Ольшевский, А.М. Фадеев, А.А. Харитонов), литературную критику и периодику второй половины XIX в., рубежа XIX – XX вв. (В.Г. Белинский, А.В. Дружинин, Н.А. Некрасов, Л.И. Поливанов, И.Н. Розанов и др.), дневниковые записи, эпистолярный Я.П. Полонского и его современников (И.С. Тургенева, А.А. Фета). В арсенале исследования критико-литературные работы о Я.П. Полонском XX в. (И.С. Богомолов, А.И. Лагунов, С.С. Тхоржевский, Б.М. Эйхенбаум и др.).

Цель статьи: проследить один из наиболее ярких этапов формирования литературной личности Я.П.Полонского – кавказский период – показательный в плане художественного жизнетворения романтической личности поэта.

Задачи: 1) рассмотреть синтезированное влияние романтических кумиров молодого Я.П.Полонского (Пушкина и Лермонтова) на примере любовной лирики поэта кавказского периода; 2) обосновать соотношение стихотворений кавказского цикла с национальными романтическими традициями армянского и грузинского народов; 3) проследить решение историко-романтической тематики в раннем творчестве Я.П.Полонского.

«Молодая» поэзия Я.П.Полонского, преимущественно воспринимаемого поэтом пушкинского толка, некоторые сюжеты его личного поведения не ограничиваются подражанием только А.С.Пушкину. Первый сборник «Гаммы», как отмечал Б.М.Эйхенбаум, содержит «вариации старых жанров с некоторыми добавочными эффектами в духе Бенедиктова» («Статуя», «Диамей») [17, с. 241]. Сильно и влияние М.Ю.Лермонтова. «Меня <...> занимали задачи искусства, восхищал Лермонтов, который сразу овладел всеми умами. Я мало встречал людей, которые не преклонялись бы перед силою его поэтического гения», – вспоминал поэт [2, т.2. с. 425]. И хотя А.В.Дружинин (1855) отмечал, что «в период, когда байронизм увлекал сердца, когда Печорин был общим идеалом», «ни байроновский, ни лермонтовский элемент не привились г. Полонскому», и приводил в доказательство его кавказские стихи [6, с. 19], «отзвуки Лермонтова» справедливо находили в поэзии Полонского И.Н.Розанов (кн. «Венок Лермонтову», 1914) и практически все позднейшие исследователи его творчества, опираясь, как правило, на те же кавказские стихотворения. «Нередко сам Лермонтов и его творчество становятся как бы лирической темой Полонского», – пишет А.И.Лагунов [7, с. 31]. В доказательство приводится воспроизведение Полонским сцены из «Княжны Мери» в стихотворении «На пути из-за Кавказа» (1851), а также «география» путешествий лермонтовских героев: «Я Казбек миновал, я Крестовую // Миновал – недалеко Дарьял. // Слышу Терека волны тревожные <...> // Погоняй, погоняй! тень Печорина // По следам догоняет меня» [2, т.1, с. 92-93].

Займствует Полонский и некоторые лермонтовские образы, тропы (в стихотворениях «Грузинская песня», «Бэда-проповедник», «Ангел» и др.). Темы и сюжеты Лермонтова иногда обыгрываются Полонским в соответствии с собственным видением мира. Так, в стихотворении «В потерянном раю», полемическом к лермонтовскому «Демону», «злой дух» подчеркнута лишен обаяния демонизма, добродетельная лира Полонского не терпит любого проявления насилия, а тем более их поэтизации.

Б.М.Эйхенбаум подчеркивал, что «иной раз стихотворения Полонского соотносятся <...> с прозой Лермонтова <...> Таково, например, стихотворение 1852 года «Финский берег»¹ – ироническая парафраза на «Тамань» Лермонтова» [17, с. 256]. Еще А.В.Дружинин писал, что «на Кавказе тень Печорина каждого «новоприбывшего гостя» влечет в область лермонтовской поэзии» [6, с. 15]. И бытовая канва «Финского берега» весьма схожа: берег моря, «домик бедный», «ветер ставнями шатает» и «хозяйки дочь с усмешкой настезь двери отворяет» [2, т.1, с. 96]. Герой, как и Печорин, озадачен загадочным поведением девушки: «А скажи-ка, помнишь, ночью, // Как погода бушевала, // Из сеней укравши весла, // Ты куда от нас пропала? // В эту пору над заливом // Что мелькало? не платок ли? // И зачем, когда вернулась, // Башмаки твои подмокли?» [2, т.1, с. 97]. Но, как и Печорин, он «пристыжен» отсутствием тайны («Как не помнить! Я

на остров // В эту ночь ладью гоняла...» [2, т.1, с. 97]), обыденностью. Но, похоже, А.В.Дружинин справедливо «отводил» поэзию Полонского, по натуре восприимчивого и склонного к подражанию, из-под прямого лермонтовского влияния. Главное, считал Дружинин, что Полонский, «к его чести», не поэтизировал «печоринский дух»: «В этом отношении г. Полонский может служить примером для всех почти нас. Он чужд того греха, с которым не все мы могли бороться. Кто из нас не пропитывался Байроном <...>, в душе своей оставаясь кротчайшим из смертных? <...> Г. Полонский остался самим собою, человеком целым; скромным, но честным деятелем пушкинского направления...» [6, с. 19].

Пушкинский Юг (Одесса, Крым), Закавказье становятся географическими фокусами в формировании романтической тематики молодого Полонского. Вполне искренние чувства, пережитые им, но включенные в рамки условной поэтико-романтической формулы, гиперболизируются, преобразуются и способствуют созданию образа поэта-романтика, иногда отдаленно причастного к реальной биографической личности поэта. В Закавказье (июнь 1846 – июль 1851 гг.) Полонский продолжает культивировать образ поэта-романтика. «Я люблю тот образ, который ты в настоящее время создаешь передо мною твоей жизнью, – писал Полонскому в этот период А.А.Фет. – Да, твоя натура истинно поэтическая и потому-то для тебя так трудно было устроиться до сих пор» [15, с. 330]. Полонский собирался по окончании университета уехать из Москвы. – И в ноябре 1844 г. уезжает на Юг – в Одессу, где прожил чуть более полутора лет. В письме Н.М. Орлову 1 января 1846 г. Я.П.Полонский писал: «<...> вряд ли я останусь здесь. Хочется быть на Кавказе и увидеть природу лицом к лицу». Друзья выхлопотали для поэта место в канцелярии наместника на Кавказе, где он прослужит почти пять лет (до июня 1851 г.). 6 июня 1846 г. поэт отправляется морем из Одессы в Тифлис.

Стихотворения «кавказского» цикла создаются при весьма ощутимом влиянии романтических традиций. Прежде всего, это затрагивает любовную лирику Полонского. Однако большая часть стихотворений, написанных в Закавказье, соотносятся с национальными романтическими традициями армянского и грузинского народов. В предисловии к сборнику «Сазандар» Полонский писал, что стихи эти «появлением своим на белый свет обязаны не столько мне, сколько пребыванию моему за Кавказом, преимущественно в Грузии» [12, с. 244]. Стихотворения «Грузинка», «Татарская песня» (1846), «Горная дорога в Грузии», «Грузинская ночь», «Грузинская песня», «Татарка», «Агбар» (1849) и др. насыщены описанием экзотической природы Закавказья и жизни кавказцев. Своеобразную трилогию составили «Сатар», «Саят-Нова» (1851), «Старый Сазандар» (1853), объединенные темой поэта и поэзии и философскими раздумьями о «стремлении к совершенству» [2, т.1, с. 14]. Знакомство с бывшим атаманом разбойников Таш-Тамуром послужило толчком к созданию поэтических строк «Каравана» (1851), проникнутых романтикой свободолюбия и отваги. Стихотворение «На пути из-за Кавказа», датированное 10 июля 1851 года, – это прощание со «светлой Грузии солнцем», «знойно-каменным» Тифлисом, с «воинственным» Кавказом².

В Закавказье начинающий автор Я.П.Полонский совершенно сживается с ролью поэта-романтика. В этом плане романтическая мистификация в любовной лирике существенно преобразует реальные факты, но это абсолютно в рамках романтических законов. Вот пример: в № 11 «Русской старины» за 1884 г. было помещено стихотворение Я.П.Полонского «Кн. С.А.Г-ной» («У нее, как у гитаны...»): «Есть возможность не влюбиться // В красоту ее очей, // <...> Но других любить решиться // Нет возможности при ней» [2, т.1, с. 83].

В датировке стихотворения существуют разночтения. В.Г.Фридлянд признает указанную в последнем прижизненном издании поэта (1896) дату: «Тифлис, 1849» [1, с. 591]. И.Б.Мушина считает, что стихотворение следует датировать 5-м марта 1851 г. Разногласия наводят на мысль о наличии любовной интриги в тифлисской жизни поэта: о существовании таинственной адресатки, вызвавшей столько поэтических чувств! В вопросе об адресатке исследователи (И.Б.Мушина, В.Г.Фридлянд) единодушны: стихотворение обращено к «Софье Андреевне Гагариной, жене художника Г.Г.Гагарина» [2, т.1. с. 434], хотя в комментарии В.Г.Фридлянда имя художника отображено иначе: «Г.П.Гагарин» [1, с. 591], что, впрочем, объяснимо редакторским недосмотром, опечаткой. Дом князя Г.Г.Гагарина³ посещается представителями русской и местной интеллигенции, и этот «культурный кружок» высоко ценил Я.Полонский [4, с. 40]. Стихотворение «Кн. С.А.Г-ной» могло быть написано «по случаю», в традициях памятных записей в альбом хозяев. Это одна из версий. Есть и другая, более подходящая к образу жизни романтического поэта.

Зимний сезон (1849 – 1850 гг.) тифлисского общества особенно оживился с приездом новых лиц, в числе которых были С.А.Гагарина и ее приятельница девица Мейендорф (вскоре она вышла замуж за генерал-майора Минквица, бывшего адъютанта кн. М.С.Воронцова). «Обе они отличались во французских пьесах на домашних спектаклях у князя Воронцова», – писал А.А.Харитонов. – В тех же спектаклях участвовал и муж Софьи Андреевны, «устраивал <...> живые картины» [16, кн. 4, с. 133]. Культивируемая романтическая обстановка салонной жизни захватывала, даже Воронцов не избежал влияние романтического Кавказа⁴. Любовное увлечение Полонского могло быть реальным. Между тем, существуют еще две женщины, которые могут претендовать на роль адресаток послания «Кн. С.А.Г-ной». Например, еще одна кн. Гагарина (Орбелиан). Юная княжна Настенька Орбельян «долго крепилась, отказывала всем местным женихам и, наконец, дождалась, чего хотела – русского князя» [16, кн.4, с. 415]: в феврале 1851 г. вышла замуж за бывшего адъютанта М.С.Воронцова кн. А.И.Гагарина, тогда уже кутаисского военного губернатора⁵. Впрочем, каким бы ветреным ни хотел казаться наш поэт, маловероятно, чтобы он столь неосмотрительно следовал примеру Пушкина – ухаживал за юной новобрачной, опекаемой Воронцовым.

Наиболее вероятная адресатка – «Princesse Barbe» – так называли в обществе княжну Варвару Ильиничну Грузинскую. Именно в ее честь, по воспоминаниям А.А.Харитонов, влюбленный Полонский написал в марте 1851 г. стихи «У нее, как у гитаны...». Она была «необыкновенно умна, симпатична, образованна и потому в высшей степени привлекательна» [16, кн.4, с. 146]. Но 25 апреля (через полтора месяца) на танцевальном вечере у князя Бебутова было объявлено о помолвке княжны В.И.Грузинской с Елико (Ильей) Орбельяни – любимцем кн. Воронцова. Как по романтическому сюжету, безответная страсть изливается в стихах. И никаких реальных свидетельств о глубокой сердечной привязанности, о пережитой любовной драме. В жизни Полонский все еще мечтает встретить любовь настоящую, «взаимную». Возможно, потому ранимый Полонский «забывает» имя своей адресатки и, спустя годы, обращает послание к более нейтральной личности, не нарушая при этом правил романтической игры – восторженное поклонение даме сердца. А в Тифлисе Полонский чувствует себя влюбленным, питает надежды и делится своей радостью с окружающими – ведь знал же об этом увлечении А.А.Харитонов. В этом случае посвящение С.А.Гагариной могло возникнуть ассоциативно, «по обстоятельству»: вечер у кн. Бебутова, положивший конец надеждам поэта, состоялся после большого обеда в честь кн. Г.Г.Гагарина, много потрудившегося по части внутренней отделки Тифлисского театра.

Тогда же в Тифлисе Полонский увлекся красавицей-армянкой Софьей Гулгас, проживавшей в предместье Тифлиса Саллалаках (Сололаки). Эта встреча так преобразила поэта, что даже И.Ф.Золотарев⁶ однажды написал: «О Яков, Яков, безалаберный, беспутный, влюбленный, рассеянный поэт, фельетонист, рисовальщик!.. Ты меня не надуешь... Ты или влюблен без памяти, или...» [13, с. 243]. «Улыбка лукавая» и «огонь соблазняющих глаз» («На пути из-за Кавказа») заставили поэта мучительно ревновать: «Она говорит мне – я ваша!.. А кто знает – кто владеет ею в иные минуты...» [13, с. 244], – записал Полонский в альбоме. Она была «прекрасна, как ангел небесный, как демон коварна и зла» [1, с. 602]. Так родились стихи «Не жди» (1849): «...Не жди меня, не жди! // Ночь слишком хороша, чтоб я провел с тобою // Часы, когда душе простора нет в груди...» [2, т.1, с. 66]. «Я ревновал к тебе потому, что любил, и потому, что имею причины ревновать, – писал Я.П.Полонский Гулгас. – Дай бог тебе еще лучшего друга, нежели я (Ср.: «Как дай вам бог любимой быть другим». – Б.Е.). Если ты успела в эти две ночи с досады на меня продать себя – ради создателя, не ходи больше ко мне, не мучь меня... Будь счастлива, весела и спокойна» [13, с. 338]. Впоследствии Полонский описал Софью Гулгас в рассказе «Тифлиссские сакли» (Магдана).

Постоянная влюбленность, стихи, где адресатка романтически преображена, где сюжет любви взлелеян воображением, а лирический герой охвачен страстью (неважно, что всякий раз к новой красавице) – вот характерное направление интимной поэзии Я.Полонского в кавказский период.

Благодаря тесному общению с деятелями грузинской, азербайджанской, армянской, татарской культур (с учеными Бакихановым [Абас-Кули-Ханом] и Мирзой Фатали Ахундовым), Я.П.Полонский приобретает глубокие знания прошлой и настоящей жизни Закавказья. Это наполняет его произведения этнографическими элементами. Активно используется грузинская, татарская лексика (в примечаниях поэта к сборнику «Сазандар» неоднократно встречаются слова, написанные по-грузински). В расчете на русскоязычную аудиторию он снабжает стихотворения комментариями, классифицируя которые можно составить тематический словарь, затрагивающий:

- социальную градацию закавказского общества: «амкар – община, в состав которой входят ремесленники, торговцы и другие», «муша – носильщик» («Прогулка по Тифлису», 1846), «нацвал – деревенский староста» («Грузинская ночь», <1848>), «агалары – татары-помещики» («Агбар», <1849>), «уста-баш – то же, что голова или старшина» («Выбор уста-баша», 1851);
- бытовой уклад жизни и национальные традиции – родственные отношения, штампы обращения: «бичо – по-грузински мальчик», «майдан – базарная площадь» («Прогулка по Тифлису»), «калым – подарки жениха отцу невесты» («Агбар»), «кунак – друг, приятель, кум» («Старый сазандар», 1850);
- названия предметов национальной одежды, обуви, домашней утвари: «руйбянда, или рубанда – женская повязка, закрывающая лицо до самых глаз» («Татарка», <1848>), «азарпеша – чаша для вина», «катиба – женская одежда с откидными рукавами» («После праздника», <1849>), «личак – головной убор грузинки в виде длинной вуали, обыкновенно откинутой назад» («Не жди», <1849>), «чуха – грузинский кафтан с откидными рукавами», «подкоши – башмаки без задков» («Прогулка по Тифлису»);
- особенности культурной жизни, музыкальные пристрастия: «чингури – струнный инструмент» («Грузинская ночь»), «сазандар – певец» («Не жди»);
- географические названия: «Мухранский Овражный мост», «Налево мост идет через Куру, // А вон крутой подъем к заставе Эриванской» («Прогулка по Тифлису»), «Авлабар – часть города Тифлиса», «Саллалаки – юго-западная часть Тифлиса» («Не жди»), «Ганжа – гор. Елисаветполь» («Агбар»), «Замок Роз – по-грузински Вардис-цихе – развалины его невдалеке от Кутаиса» («Тамара и певец ее Шота Руставель», 1851).

Иногда обилие этнографизмов придает поэзии Полонского прозаический оттенок бытописания. Так, в стихотворении «Прогулка по Тифлису» – подробное, обстоятельное перечисление местных профессий, вещей, уличных сцен. По достоверности фактажа стихотворение сопоставимо с пространными воспоминаниями современников. Их дневниковыми записями, в частности, с «Записками М.Я.Ольшевского. Кавказ с 1841 г. по 1866 г.» [10], «Воспоминаниями» А.М.Фадеева [14] и др. Полонский словно рисует с натуры для непосвященного читателя обыденную жизнь Тифлиса: «Итак, чтоб не входить в бесплодные мечтанья, // Я поскорей примусь за описание» [2, т.1, с. 51]. Стихотворение и написано в форме послания – обращено к Л.С.Пушкину и имеет соответствующий подзаголовок: «(Письмо к Л.С.Пшк-ну

1846 года)». Приведем некоторые из запечатленных городских эпизодов: «Представьте, наконец, – я в улицу вхожу // Кривую, тесную – под старыми домами // Направо и налево лавок ряд – // Вот караван-сарай, восточными коврами // Увешан пыльный вход, узоры их пестрят <...> // Вот кофейня, два купца – // Два персианина играют молча в шашки, // Хозяин смотрит, сумрачный с лица, // А между тем бичо переменяет чашки» («Прогулка по Тифлису») [2, т.1, с. 51-53].

Изображены две стороны жизни города: Тифлис деловой, кричащий красками, звуками, видами и Тифлис вечерний. В его «семейной тишине», в обилии «любопытных женских взглядов» и силуэтов, облаченных в «легкое, как воздух, покрывало», поэт черпает романтическое вдохновение: «<...> Заря, как жертвенник, пылает, и Тифлис // Приветствует прощальными лучами. // <...> Великолепная для непривычных глаз // Картина! <...>» [2, т.1, с. 55].

Открывает Полонский и мир легендарной Грузии. Его стихотворения на историко-романтическую тематику появляются в период глубокой заинтересованности тбилисского общества вопросами своей истории, прежде всего, «веком царицы Тамары». Так, Д.Чубанишвили представлял эпоху знаменитой царицы «порой высочайшего благосостояния, славы народной и гражданского величия Грузии, золотым веком ее литературы, наук и образованности вообще» [5, с. 103]. По наблюдениям И.С.Богомолова, полемика на данную тему прослеживалась по страницам газеты «Кавказ» с 1846 г. Ряд статей опубликовал и Я.П.Полонский, изучивший историю Грузии по летописям Вахушти и Вахтанга, трудам Т.Батанишвили, П.Иоселиани, М.Броссе, Т. де Шардена и др. Древняя Грузия вызвала к жизни цикл стихотворений со сходными названиями. В 1846 г. в окрестностях Кутаиси Полонский посещал развалины дворца «доблестной царицы» Тамары – «приют неведомых теней» [2, т.1, с. 64]. Результат – стихотворение «В Имеретии» («Царя Вахтанга ветхие страницы...»), <1848>. В мае 1850 г. Полонский в стихотворении «В Имеретии» («Риона шум...», 1850) вновь оживляет в памяти милые его сердцу красоты «дивной страны». В изображении Грузии, олицетворением колыбели которой для Полонского стала Имеретия, поэт прибегает к пейзажной зарисовке, впрочем, достаточно схематичной, так как традиционные для романтизма «тень», «плющ», «хребты» и т.п. не дают «узнаваемости» местности. Да и романтический мотив «встречи-прощания» не имеет биографической определенности: «Риона шум и леса тень, // Плющ, виноград и цвет граната, // Прохладный ключ и знойный день. // И воздух, полный аромата, // <...> Надолго ль я останусь с вами?» [2, т.1, с. 70].

Далее поэт переходит к размышлению о своей творческой судьбе: «И мне уже определен // Безвестный путь...». При этом как один из вариантов развития поэтической жизни называет возвращение в Грузию: «И тем, что временно дано, // Уже навеки насладиться» [2, т.1, с. 70]. Примечательно, что современная история Грузии видится поэтом в параллели с судьбой России.

В стихотворении «Имеретин», <1850>, Полонский представляет покровительство России как милость Всевышнего народу Закавказья: «Как над младенцами, над нами // Небесный сжалился отец» [2, т.1, с. 72].

В 1850 г., после посещения древнего Гелатского монастыря в Кутаиси, Полонский пишет «Над развалинами в Имеретии», где создает загадочно-романтический образ имеретинской царицы Дареджаны [2, т.1, с.74]. Имя дочери индийского царя Нестан-Дареджаны, воспетой грузинским поэтом Шота Руставели в поэме «Витязь в тигровой шкуре», связывалось Полонским, согласно сказаниям грузинского народа, с образом царицы Тамары: «Все изустные предания о веке Тамары единогласно подтверждают, что Шота Руставель был влюблен в знаменитую царицу. Есть еще предание, будто Руставель был отравлен за то, что осмелился просить руки царицы в награду за стихи свои» [2, т.1, с.433-434]. Это предание Полонский и положил в основу стихотворения «Тамара и певец ее Шота Руставель» (1851). «Рокочные сигналы войны» и «возвышенный голос любви», царственная гордость и страсть – более благозвучной почвы трудно найти для романтического восторга: «Не царицу Иверии в сонме князей, // Божество красоты молча видит он в ней <...> // И – восторженный – думает он: // Не роскошный ли видит он сон...» [2, т.1, с. 81].

Стихотворение это связано с замыслом драмы «Дареджана, царица Имеретинская», которую даже А.Григорьев назвал «вещью не без достоинств» [2, т.1, с. 433]. Сюжет для драмы дали мемуары французского путешественника Шардена об имеретинском дворце царицы Дареджаны. Однако пьеса «не была дозволена к постановке и появилась в печати с цензурными искажениями» [2, т.1, с. 432]. Драматург Полонский читал Н.А.Грибоедовой в доме ее брата – кн. Д.А.Чавчавадзе, которому еще в 1849 г. он посвятил стихотворение «Кахетинцу». Вдове автора «Горя от ума» поэт отдает дань уважения в стихотворении «Н.А.Грибоедова» (1879), замысел которого относится к 1846 г., первоначальное название – «Грузинская элегия» (Б.М.Эйхенбаум).

Выводы. Поэзия Я.П.Полонского в кавказский период его жизни и творчества синтезировала пушкинско-лермонтовские влияния, традиционные условно-романтические мотивы, национально-исторические и легендарные сюжеты романтизма. Сама художественная личность Полонского формировалась в духовной атмосфере романтического Закавказья и личностно-биографических взаимодействиях, географической и этнографической конкретике. Молодой поэт Полонский обрел узнаваемый и впрямь предьявляемый читателю облик романтического поэта «чистого искусства».

Примечания

¹«Финский берег» – первая проба Я.П.Полонского «в области лирического сюжета» (Б.М.Эйхенбаум). Прозаичность интонаций стихотворения акцентировал В.М.Жемчужников в пародии «Разочарование. Баллада» (1860, «Свисток») [11, с.114].

²Я.П.Полонский покинул Тифлис 25 мая 1851 г. Разлуку с этим краем он переживал как утрату: «Было время, когда мне был весь Тифлис знаком, – теперь никого нет» [13, с.339]. В 1893 г. в письмах к сыну Борису, путешествовавшему по Волге, Кавказу и Крыму, поэт просил: «Пиши из Тифлиса подробнее – ведь это мне родной город <...>» [13, с.339].

³Кн. Г.Г.Гагарин (1810 – 1893) – художник, литограф, архитектор и искусствовед. На Кавказ приехал вслед за другом Лермонтовым. Проявлял большой интерес к культуре грузинского народа: памятникам старины, стенной живописи, орнаментике, старинной миниатюре.

⁴Весной 1850 г. кн. М.С.Воронцов выказывает расположение грузинским княжеским фамилиям вследствие «нескрываемого пристрастия к ним <...> по старческой слабости его к княгине Елене Эристовой». Князь же Г.Д.Эристов, нигде прежде не служивший, назначен был чиновником особых поручений при наместнике. Происшествие это вызвало толки: «Много было об этом разговоров, и все сожалели об упадке престижа, которым пользовался до того времени наш наместник не только в крае, но и в целой России» [16, кн.4, с.138].

⁵В 1857 г. кн. А.И.Гагарин погиб от руки Сванетского князя Дадешкилиани – «правительство нашло неудобным дальнейшее пребывание этих князей в их Сванетском владении и распорядилось о удалении их в Россию» (А.М.Фадеев) [14, с.198]. Дадешкилиани был расстрелян.

⁶И.Ф.Золотарев (1813 – 1881) – знакомый Я.П.Полонского по Одессе, помощник директора канцелярии наместника Тифлиса. В 1845 г. выхлопотал для Полонского место помощника редактора журнала «Закавказский вестник». Популяризировал творчество Я.П.Полонского в Грузии; способствовал публикации его произведений в «Современнике» [4, с. 53].

Источники и литература:

1. Полонский Я. П. Лирика; Проза / Я. П. Полонский. – М.: Правда, 1984. – 608 с.
2. Полонский Я. П. Сочинения: В 2-х т. / Я. П. Полонский. – М.: Худож. лит., 1986. – Т. 1: Стихотворения; Поэмы. – 493 с.; Т. 2: Признание Сергея Чалыгина; Женитьба Агуева; Воспоминания. – 463 с.
3. Полонский Я. П. Письма к Н. М. Орлову / Я. П. Полонский // Новые пропилеи. – М.–Пг., 1923. – Т. 1. – С. 40 – 72.
4. Богомолов И. С. Я. П. Полонский в Грузии / И. С. Богомолов. – Тбилиси: Лит-ра да Хеловнеба, 1966. – 200 с.
5. Бонч-Бруевич В. Д. Мое первое издание. Из воспоминаний / В. Д. Бонч-Бруевич // Звенья. – Т. 8. – М.-Л.: Academia, 1950. – С. 641 – 716.
6. Дружинин А. В. Стихотворения Я. П. Полонского / А. В. Дружинин // Современник. – СПб., 1855. – Т. 54. – С. 1 – 20.
7. Лагунов А. И. Лирика Я. П. Полонского и поэзия 50-х – 60-х годов XIX века: Дис... канд. филол. наук / А. И. Лагунов. – М., 1968. – 202 с.
8. Лагунов А. И. О романтизме в русской психологической лирике середины XIX века / А. И. Лагунов // Вопросы истории и поэтики русской литературы (из темплана 1974 г.). – Ставрополь: Ставропольский гос. пед. ин-т, 1975. – С. 103 – 140.
9. Лотман Ю. М. Пушкин / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство, 1995. – 847 с.
10. Ольшевский М. Я. Записки. Кавказ с 1841 по 1866 гг. / М. Я. Ольшевский // Русская старина. – СПб., 1894. – Т. 81. кн. 6. – С. 63 – 94; Т. 82, кн. 7. – С. 44 – 108.
11. Свисток. Сатирическое приложение к журналу «Современник»: Собрание литературных, журнальных и других заметок. 1859 – 1863. – М.: Наука, 1982. – 591 с.
12. Тургенев И. С. Переписка с Я. П. Полонским (неопубликованные письма) / И. С. Тургенев // Звенья. – Т. 8. – М.: Госиздат. культ.-просвет. лит.-ры, 1950. – С. 153 – 264.
13. Тхоржевский С. С. Высокая лестница / С. С. Тхоржевский // Портреты пером / С. С. Тхоржевский. – М.: Книга, 1986. – С. 220–349.
14. Фадеев А. М. Воспоминания. 1790 – 1867 гг.: В 2-х ч. / А. М. Фадеев. – Одесса: Тип. Южнорусского об-ва печатного дела, 1897. – Ч. 2. – 231 с.
15. Фет А. А. Сочинения: В 2-х т. / А. А. Фет. – М.: Худож. лит., 1982. – Т. 2: Рассказы; О поэзии и искусстве; Письма. – 461 с., ил.
16. Харитонов А. А. Из воспоминаний / А. А. Харитонов // Русская старина. – СПб., 1894. – Т. 81, кн. 4. – С. 124 – 156; Т. 81, кн. 5. – С. 170 – 201.
17. Эйхенбаум Б. М. О поэзии / Б. М. Эйхенбаум. – Л.: Сов. писатель, 1969. – 552 с.